

КНИГИ МАЙКЛА КОННЕЛЛИ

В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Расследует Гарри Босх

Черное эхо

Черный лед

Блондинка в бетоне

Последний койот

По сценарию мафии

Переступить черту

Другая сторона прощения

Расследует Микки Холлер

«Линкольн» для адвоката

Пуля для адвоката

Ловушка для адвоката

Расследует Джек Макэвой

Поэт, или Охота на призрака

Расследует Рене Бэллард

Последнее шоу

МАЙКЛ
КОННЕЛЛИ

**Ловушка
для адвоката**

Санкт-Петербург

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

УБИЙЦА НА ПОДИУМЕ

ГЛАВА 1

Вторник, 9 февраля, 13:43

В прошлый раз меня привел в «Уотер-гриль» клиент, который хладнокровно и расчетливо пустил пулю в лоб жене и ее любовнику. Клиент хотел, чтобы я не просто выступил защитником на суде, но добился полного оправдания и восстановил его доброе имя в глазах публики. Теперь напротив меня сидел человек более опасный — я обедал с Гэбриелом Уильямсом, окружным прокурором Лос-Анджелеса.

Стоял прохладный зимний день. Уильямс пришел с Джо Риделлом — своим замом по персоналу и главным политическим консультантом. Встреча была назначена на половину второго, когда все юристы уже вернутся с обеда в здание уголовного суда и окружного прокурора никто не накроет на сомнительных шашнях с противной стороной. То есть со мной, Микки Холлером, последней надеждой обреченных.

«Уотер-гриль» — неплохое местечко для делового ланча. Приличная еда, приятная атмосфера, соседние столики далеко, не подслушаешь, а лучшей карты вин не найти во всем городе. Здесь можно даже не стелить самому на колени салфетку, потому что официант сделает это за вас.

Прокурорская команда заказала мартини за счет налогоплательщиков, я же решил обойтись бесплатной минералкой. Сделав пару глотков и закусив маслиной, Уильямс наконец перешел к делу:

— Микки, у меня к вам предложение.

Я кивнул. Риделл уже сказал это утром, назначая встречу. Я согласился и сам немедленно принялся звонить, чтобы разведать, откуда ветер дует, однако даже моя бывшая супруга, работавшая в прокуратуре, ничем не могла помочь.

— Я весь внимание. Не каждый день получаешь предложение лично от окружного прокурора. Само собой, моих клиентов это едва ли касается — они не достойны внимания с самого верха, да и вообще у меня сейчас затишье.

— Вы не ошиблись, — сказал Уильямс, — ваши клиенты тут ни при чем. Я хочу поручить вам дело.

Я снова кивнул. Теперь понятно. Они терпеть не могут адвокатов — пока сами не нуждаются в их услугах. Не знаю, есть ли у прокурора дети, но несовершеннолетними я никогда не занимался, и это не так уж трудно установить. Наверное, проблема с женой — поймали за руку в супермаркете или какой-нибудь грязный скандалчик.

— Кого надо вытащить?

Уильямс с Риделлом обменялись улыбками.

— Нет-нет, ничего такого. Предложение следующее: я хочу взять вас на работу, Микки. В прокуратуру округа.

После звонка Риделла у меня в голове мелькало множество версий, в том числе совершенно диких, однако работа государственным обвинителем в них не

входила. Я уже двадцать лет состою в коллегии адвокатов и за это время успел попортить нервы прокурорам и полиции — поменьше, конечно, чем громилам из трущоб Никерсон-Гарденс, но вполне достаточно, чтобы навеки закрыть для себя доступ в славные ряды правоохранительных органов. Короче, они не любили меня, а я отвечал взаимностью, и, кроме упомянутой бывшей супруги и единокровного брата, сыщика в Управлении полиции Лос-Анджелеса, никому из них не доверял. Особенно Уильямсу, который был в первую очередь политиком — такие еще опаснее. Пробыв прокурором совсем недолго, он двадцать лет работал адвокатом по гражданским правам и победил на выборах окружного прокурора как независимый кандидат на волне всеобщего недоверия к властям и полиции. Сидя на этом загадочном деловом ланче, я был настороже с того момента, как мне на колени легла салфетка.

— К вам? — Я поднял брови. — В каком качестве?

— Особым обвинителем, работа одноразовая. По делу Джейсона Джессапа.

Я недоуменно застыл. И в самом деле, больше всего это походило на розыгрыш, но... На ланч в «Уотергриль» не зовут ради шутки.

— Дело Джессапа? Насколько я знаю, делать там просто нечего. Это же мыльный пузырь!

Уильямс упрямо покачал головой. Упрямо и в то же время с какой-то опаской. Казалось, он убеждал в чем-то себя самого.

— В следующий вторник годовщина убийства. Я собираюсь объявить, что отправляю дело на повтор-

ное слушание, и хотел бы видеть вас на пресс-конференции рядом с собой.

Я откинулся в кресле, не сводя глаз с собеседника. За попытками разгадать мысли судей, присяжных, свидетелей и прокуроров в зале суда прошла почти вся моя сознательная жизнь, и я кое-чему научился, но на лицах Уильямса и его прихвостня, сидевших на расстоянии вытянутой руки, ничего прочесть не мог.

Джейсон Джессап был осужден за убийство ребенка и провел в тюрьме без малого двадцать четыре года. Месяц назад Верховный суд штата Калифорния отменил приговор и вернул дело в округ Лос-Анджелеса для повторного слушания. Это решение увенчало собой два десятка лет юридических битв, управлявшихся большей частью из камеры Джессапа. Без устали строили апелляции, ходатайства и жалобы по всевозможным поводам, этот адвокат-самоучка не сумел повернуть вспять колесо правосудия, зато привлек к себе внимание правозащитной организации под названием «Проект генетической справедливости». Их юристы взялись за дело всерьез и в конце концов добились проведения экспертизы семенной жидкости, обнаруженной на платье задушенной девочки.

Джессапа судили задолго до того, как анализ ДНК стал применяться в практике уголовных расследований, и теперь, через много лет, экспертиза показала, что сперма не принадлежала осужденному. Новые данные склонили чашу весов в пользу Джессапа. Верховный суд штата, отметив и другие неувязки в доказательной базе, а также ряд процессуальных нарушений, вернул дело в окружную прокуратуру.

Помимо этого, я мало что знал о подробностях и не читал решения суда, только отрывки из него в «Лос-Анджелес таймс», но скандал получился громкий. Были подняты из архивов многочисленные протесты Джессапа, оставленные в свое время без внимания, его жалобы на произвол полиции и суда. Признаюсь, я не без удовольствия наблюдал, как пресса и телевидение поджаривают моих извечных противников на медленном огне. Если хотите, можете считать это мелким злорадством. Я не имел никакого отношения к процессу Джессапа, да и в окружной прокуратуре уже нет никого из тех, кто работал в 1986 году, но сторона защиты имеет на своем счету так мало побед, что каждое поражение властей неизменно вызывает у нас своего рода корпоративное ликование.

Верховный суд принял решение неделю назад, и окружная прокуратура получила шестьдесят дней на то, чтобы отправить дело на повторное расследование либо освободить Джессапа от всех обвинений. С тех пор не было дня, когда осужденный не появлялся бы в новостях. Он давал бесчисленные интервью лично и по телефону из тюрьмы Сан-Квентин, заявляя о своей невиновности и всячески понося полицию и обвинителей, по чьей милости угодил за решетку. Джессап заручился поддержкой нескольких голливудских звезд и заранее подал гражданский иск к городской и окружной администрации, требуя многомиллионного возмещения убытков за долгие годы несправедливого заключения. В нашу эпоху продвинутых медиатехнологий он имел неограниченную аудиторию и делал все, чтобы получить статус народного героя. Выйдя из тюрьмы, Джейсон Джессап стал бы знаменитостью.

В общем и целом у меня сложилось впечатление о нем как о невинно осужденном, который заслуживает любых возможных компенсаций за четверть века мучений. Даже моих скудных знаний о материалах дела хватало, чтобы понять полную бесперспективность дальнейшего уголовного преследования Джессапа. При наличии результатов генетического анализа это было бы актом политического мазохизма, в склонности к которому Уильямса и Риделла трудно было заподозрить. Разве что...

Я прищурился:

— Вы знаете что-то, чего не знаю я? И вдобавок не знает «Лос-Анджелес таймс»?

Окружной прокурор наклонился ко мне с самодовольной улыбкой:

— С помощью экспертизы Джессап доказал лишь то, что его ДНК не содержится в образцах, взятых с одежды жертвы. Он не обязан устанавливать, чья была сперма.

— Значит, вы проверили по банку данных?

Уильямс кивнул:

— Да, проверили. И нашли.

— Чья же?

— Пока вы не участвуете в деле, сказать не могу, информация конфиденциальная, но она поможет нам выработать такую стратегию обвинения, чтобы оставить в стороне вопрос о ДНК, сохранив в целостности общую доказательную базу. Чтобы осудить Джессапа в первый раз, экспертиза не понадобилась, обойдемся и теперь. В восемьдесят шестом мы были уверены, что он виновен, и если я не попытаюсь его осудить теперь,

невзирая на шансы, общественное мнение и возможные политические последствия, то пренебрегу своим служебным долгом.

Он говорил словно перед журналистами. Я пожал плечами:

— В таком случае почему бы так и не поступить? Зачем обращаться ко мне, когда у вас три сотни отличных юристов? Во всяком случае, один из них, которого вы маринуете в филиале в Ван-Найсе, взялся бы не раздумывая... Я-то здесь при чем?

— Обвинение не должно исходить от окружной прокуратуры. Слышали ведь наверняка все эти разговоры или читали. История с душком, и никого не волнует, черт побери, что мои люди не имеют к ней отношения. Чтобы представлять дело в суде, нужен человек со стороны, независимый. Кто-то, кого...

— Для этого существует прокуратура штата, — перебил я. — Хотите обвинителя со стороны, вам подберут подходящего.

Тут я, конечно, лукавил, и мои собеседники это знали. Гэбриел Уильямс не мог обратиться за помощью свыше, не перейдя линию фронта, огороженную колючей проволокой политики. Главный прокурор штата Калифорния — выборная должность, и все хоть мало-мальски сведущие люди видели в ней следующую ступень карьеры Уильямса на пути к губернаторскому креслу или другим высшим постам. Он ни за что не уступил бы дело, которое может быть использовано против него, даже настолько старое, вероятному политическому сопернику. Никто не станет давать врагу дубинку в руки — ни в политике, ни в суде, ни в частной жизни.

— Нет, мы не станем обращаться к прокурору штата, — отрезал Уильямс. — Мне нужны вы, Микки, известный и всеми уважаемый адвокат по уголовным делам. Публика не сможет усомниться в вашей беспристрастности, поверит вам и примет обвинительное решение, которого вы добьетесь.

Мы молча смотрели друг на друга. К столику подошел официант, чтобы принять заказ, но Уильямс отослал его жестом, даже не взглянув.

— Мне мало что известно об этом деле, — сказал я наконец. — Кто будет защищать Джессапа? Трудно было бы выступать против коллеги, которого я хорошо знаю.

— Пока у него есть только юрист от «Генетической справедливости» и адвокат по гражданскому делу. Защитника он не нанимал — очевидно, уверен, что мы не станем упорствовать.

Я кивнул: одно препятствие снято. Уильямс продолжил:

— Джессапа ждет большой сюрприз. Мы привезем его сюда и осудим заново. Он виноват, Микки, больше вам пока знать и не требуется. Девочка убита — что еще нужно обвинителю? Возьмите дело — в интересах своих сограждан и в собственных интересах. Кто знает, может, вам понравится, и вы захотите остаться. В таком случае мы всерьез рассмотрим вашу кандидатуру, обещаю.

Я задумчиво рассматривал скатерть и невольно представлял свою дочь, наблюдающую в зале суда, как я выступаю на стороне народа, а не обвиняемого. Уильямс продолжал говорить, не зная, что решение уже принято:

— Конечно, мы не в состоянии выплатить ваш обычный гонорар, но если вы примете предложение, то не думаю, что из-за денег. Само собой, вам будут предоставлены офис и секретарь, а также все необходимые услуги экспертов-криминалистов. Все самое лучшее.

— Нет, офис в прокуратуре мне не нужен, я должен оставаться полностью независимым. И никаких больше совместных обедов. Сделаем заявление для прессы, а дальше я действую сам, в том числе и решаю, как вести следствие.

— Принято. Можете работать в своей конторе, только не храните там улики. Все решения, конечно же, будете принимать самостоятельно.

— Кроме того, я сам выберу второго обвинителя, а также дознавателя из полицейского управления Лос-Анджелеса — людей, которым могу доверять.

— Второй обвинитель тоже будет со стороны?

— Нет, лучше кто-нибудь из прокуратуры.

— Тогда, я полагаю, речь идет о вашей бывшей жене.

— Совершенно верно — если она согласится. А если нам все-таки удастся выиграть дело, вы вытащите ее из Ван-Найса и переведете в главный офис заниматься крупными делами, что она давно заслужила.

— Ну, это легче сказать, чем...

— Таковы мои условия. Решайте.

Уильямс взглянул на Риделла, тот еле заметно кивнул. Окружной прокурор повернулся ко мне:

— Хорошо, так и быть. В случае успеха она работает у меня. По рукам?

Он с улыбкой протянул руку, я ее пожал. Без улыбки.

— Микки Холлер, от имени народа, — произнес он. — Хорошо звучит!

От имени народа. Наверное, мне следовало гордиться, ощущать себя частью чего-то огромного и справедливого. Но я чувствовал лишь, что перешагнул какую-то запретную черту. На душе скребли кошки.

— Замечательно, — ответил я.

ГЛАВА 2

Пятница, 12 февраля, 10:00

Гарри Босх вошел в приемную окружной прокуратуры на восемнадцатом этаже здания уголовного суда. Он назвал секретарю и объяснил, что ему назначил встречу прокурор округа Гэбриел Уильямс.

— Совецание состоится в конференц-зале А, — сообщила секретарь, сверившись с компьютером. — Пройдите в эту дверь, потом направо до конца коридора. Там снова направо, и увидите по левой стороне дверь с литерой А. Вас ждут.

Дверь в стене, отделанной деревянными панелями, зажужжала, и Босх открыл ее, гадая, кто именно его ждет. Он получил вызов вчера днем и с тех пор безуспешно пытался понять причину. Секретность, конечно, в правилах прокуратуры, но обычно хоть что-то, да просачивалось наружу — только не в этот раз.

Следуя указанному маршруту, Босх нашел дверь с литерой А и постучал. Женский голос ответил:

— Войдите.

Женщина сидела одна за большим столом с восемью креслами. Перед ней рядом с портативным компьютером были разложены папки, документы и фотографии. Лицо женщины, привлекательное, обрамлен-

ное темными вьющимися волосами, казалось смутно знакомым. Острый взгляд и приятная улыбка, немного загадочная. Судя по стандартному костюму темно-синего цвета, это мог быть помощник окружного прокурора.

— Детектив Босх?

— Да.

— Проходите, присаживайтесь.

Он отодвинул кресло и сел напротив. Одна из фотографий привлекла его внимание — мертвое детское тело в открытом мусорном контейнере. Босая, в синем платье с длинными рукавами девочка лежала на груди строительного мусора. Белая кромка фотографии пожелтела — снимок был старым.

Женщина прикрыла фото папкой и протянула через стол руку.

— Думаю, мы прежде не встречались, — сказала она. — Меня зовут Мэгги Макферсон.

Имя было знакомо, но откуда и в связи с каким делом, Гарри не помнил.

— Я помощник окружного прокурора, — продолжила Макферсон, — и буду вторым обвинителем на процессе по делу Джейсона Джессапа. Первый обвинитель...

— Джессапа? — перебил Босх. — Вы собираетесь его судить?

— Да. Об этом объявят на следующей неделе, а пока я прошу вас информацию не разглашать. К сожалению, первый обвинитель опаздывает...

За спиной открылась дверь, и Босх обернулся. В зал вошел Микки Холлер. Гарри не верил своим глазам — не потому, что плохо знал Холлера в лицо, они были

единокровными братьями, — просто видеть его здесь было в высшей степени странно. Защитник по уголовным делам смотрелся в окружной прокуратуре как кот на собачьей площадке.

— Я знаю, — усмехнулся Холлер, — ты думаешь: «Какого черта он тут делает?»

Продолжая улыбаться, Холлер отодвинул кресло и сел рядом с Мэгги Макферсон. Только теперь Босх понял, откуда знает ее имя.

— Вы... вы ведь были женаты, верно?

— О да! — воскликнул Холлер. — Семь чудесных лет.

— Хм... Теперь она обвиняет Джессапа, а ты его защищаешь... Смахивает на конфликт интересов, а?

— Нет, Гарри, никакого конфликта: мы оба его обвиняем. Я первый обвинитель, Мэгги — второй. И мы хотим, чтобы ты вел у нас следствие.

Босх выглядел растерянным.

— погоди... Ты же не прокурор. Это как-то...

— Меня пригласили независимым обвинителем, Гарри, все законно. Я бы не сидел здесь, будь оно иначе. Мы хотим припереть Джессапа к стенке и просим тебя помочь.

— Судя по тому, что я слышал, дело тухлое. Или вы хотите сказать, что Джессап подделал анализ ДНК?

— Нет, ничего подобного, — сказала Макферсон. — Мы провели свои собственные тесты, все правильно. На платье жертвы нет ДНК Джессапа.

— Но это еще не значит, что дело проиграно, — вставил Холлер.

Босх перевел взгляд с него на прокуроршу, потом обратно. Он все еще не понимал.